

**Значение и функции частных в романе Ф.М. Достоевского
«Братья Карамазовы»: образ Алёши Карамазова
сквозь призму мотивов тематической группы «Еда»**

В статье анализируются значения и функции мотивов тематической группы «Еда» в создании образа Алёши Карамазова в романе «Братья Карамазовы». Исследование позволяет составить представление о многоуровневой семантике частных в романах Ф.М. Достоевского (буквальный, бытовой и бытийный семантические уровни). Изучение роли частных углубляет понимание образов персонажей, мотивации их поступков, способствует установлению неочевидных внутритекстовых и межтекстовых связей.

The article is devoted to the analysis of the meanings and functions of motifs of the thematic group "Food" in creating the image of Alyosha Karamazov ("The Brothers Karamazov"). The study gives an idea about multilevel semantics of particulars in the novels of the writer (literal, home and existential). Studying the role of particulars allows to deepen the understanding of the characters, to understand the motivation of their actions, to establish non-obvious intratextual and intertextual connection.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы», Алёша Карамазов, мотив, уровни значений, бытовая деталь.

Key words: F.M. Dostoevsky, «The Brothers Karamazov», Alyosha Karamazov, motif, the levels of meaning, household item.

Проблема «частное ↔ общее в повествовательной структуре прозы Достоевского», несмотря на многообразие исследований, не получила однозначного решения. Под частным, или частностями, мы подразумеваем сюжетные подробности – структурные элементы текстов (темы, образы, мотивы, группы мотивов), представляющиеся второстепенными по отношению к развитию фабульного действия или вовсе не связанными с ним, случайными. В первую очередь это подробности повседневной жизни персонажей (еда, одежда, мебель, личные вещи и др. и связанные с ними действия).

Существует точка зрения, что бытовые детали у Достоевского либо отсутствуют как таковые (Вл. Набоков, А. Труайя), либо не играют существенной роли, имеют значение только как элементы образов персонажей (М.М. Бахтин). Более распространён взгляд на частности как знаки, несущие, открывающие, кодирующие дополнительные смыслы. Так,

Вяч. Иванов считал, что Достоевский изображает эмпирический мир, чтобы через него раскрыть метафизическую проблематику [5, с. 424]. Т. Касаткина рассматривает, например, повторяющиеся слова-концепты как нити, актуализирующие дополнительные смыслы [7, с. 197]. Мы придерживаемся мнения, что частности у Достоевского значимы, и исследуем роль частного как специфического средства передачи дополнительных смыслов.

Рассмотрим, как частное участвует в формировании многослойной семантики. В качестве примера проанализируем роль и функции мотивов тематической группы «Еда» в создании образа одного из персонажей романа «Братья Карамазовы» – Алёши. (Преимущественное внимание к мотивам по сравнению с другими структурными элементами объясняется спецификой объекта исследования: мы анализируем прозаический повествовательный текст, а мотив – «простейшая повествовательная единица» [2, с. 305]). Именно Алёшу рассказчик называет своим героем, а роман – его жизнеописанием: «Начиная жизнеописание героя моего, Алексея Федоровича Карамазова <...>» [4, XIV, с. 5]. Алёша – «это, пожалуй, и деятель, но деятель неопределенный, невыяснившийся» [4, XIV, с. 5].

Мотивы тематической группы «Еда» функционируют в тексте на трёх семантических уровнях, разграничиваемых в зависимости от характера значений: 1) буквальном, реалистическом (действия, связанные с едой); 2) бытовом, характеризующем ощущения, страсти, отношения, проявляющиеся в земной жизни человека; 3) бытийном (духовном, идейном). Как же взаимодействуют значения разных уровней и что рассказывают гастрономические детали об образе героя?

Мотивы, субъектом или объектом которых выступает Алёша, мы рассмотрим в соответствии с классификацией по направленности действия относительно субъекта: на него или от него на других (данная классификация, применявшаяся нами ранее при анализе романа «Бесы», позволяет наглядно представить систему отношений персонажей произведения [8]).

Мотивы первой группы выражают действия, направленные на субъекта. В обильных застольях с разнообразным меню Алёша не участвует: он либо отказывается от предлагаемой пищи, либо появляется в помещении уже после завершения трапезы. Рацион Алёши скромный, однообразный. Питается герой в основном хлебом. Традиционно именно под хлебом подразумевается пища, употребляемая для утоления голода и поддержания жизни, а не ради получения удовольствия: так, перед визитом к отцу он съел на обед «всега только ломоть хлеба» и выпил стакан кваса [4, XIV, с. 113]; в другой раз, отказавшись от угощения, он лишь взял с собой французскую булку, которую съел позже, почувствовав голод. «Это подкрепило его силы» [4, XIII, с. 179]. Объект указанного мотива – французская булка – устанавливает межтекстовую связь с романом «Бесы»: французская булка – это постоянная деталь, сопутствующая Хромоножке, которая «питалась, как птица небесная» [3, X, с. 119]. Алёша же тратит

деньги, «что канарейка, <...> по два зернышка в недельку» [4, XIV, с. 23]. С Хромоножкой его также объединяет равнодушие к приготовлению и добыванию пищи: он не заботился, на что живёт, но, по выражению Миусова, был «может быть, единственный человек в мире, которого оставьте вы вдруг одного и без денег на площади незнакомого в миллион жителей города, и он ни за что не погибнет и не умрет с голоду и холоду, потому что его миглом накормят <...>» [4, XIV, с. 20]. Причина этого – дар возбуждать к себе особенную любовь, которую Алёша «заклучал в себе, так сказать, в самой природе, безыскусственно и непосредственно» [4, XIV, с. 19]. В данном случае гастрономический мотив первого уровня является следствием личностного качества Алёши, обусловленного его метафизическим выбором. Мотив *кормить Алёшу* вводится для того, чтобы подчеркнуть природную искренность и безыскусственность персонажа. Почти все, кого Алёша посещает, предлагают ему напитки, чаще всего кофе или спиртное. Горячий кофе Алёша обычно пьёт «с охотой» [4, XIV, с. 113], а от спиртного воздерживается. Однажды Фёдор Павлович предложил ему ликёр. Выбор именно этого напитка усиливает возникающий перед Алёшей соблазн: к спиртному он безразличен, а сладкое любит, поэтому отказаться от напитка становится сложнее. Помимо кофе Алёша пьёт квас (напиток из хлеба) и чай. Как мы установили ранее, у Достоевского чай обычно пьют, с одной стороны, персонажи, стремящиеся к общению, с другой – замкнутые в своём внутреннем мире, сосредоточенные на решении философских и религиозных проблем [8]. Это отметил ещё Вяч. Иванов, размышляя над романом «Бесы»: «<...> чаепитие – симптом русского медитативного идеализма» [6, с. 442]. В трактире, во время обсуждения «вечных вопросов», Алёша и Иван пьют чай. Иван – единственный, кто предлагает Алёше именно чай: эта деталь и маркирует коммуникацию на философские темы, и указывает, что не только Иван, но и Алёша занят разрешением метафизических вопросов.

При анализе мотива *предлагать ликёр* мы уже отметили соседство с образом Алёши сладостей. Они как бы сопутствуют его образу, часто оказываются перед ним на столе (в доме отца, у Катерины Ивановны, даже в монастыре), а мотивы тематической группы «Сладкое» показательны на разных уровнях значений. Рассмотрим их. Сам Алёша признаётся, что с детства любит варенье. Мотив *любви к сладкому* (субъектами которого в романе выступают и Алёша, и старец Зосима) даёт возможность ощутить физическую реальность персонажей, позволяющих себе скромные земные радости, свидетельствует, что они – не абстрактные идеи, а живые люди.

Любовь к сладкому в более обобщённом значении – сладострастие – одна из карамазовских черт. Р. Бэлнеп в своей монографии показал, что все Карамазовы – сладострастники [1, с. 40]. Поэтому *мотив любви к сладкому* может выступать маркером карамазовщины. По собственным признаниям Алёши, он понимает, что такое сладострастие (например, в разговоре с Ракитиным о страсти Мити к Грушеньке). Ракитин соглашается, что Алёша

«сладострастника в себе заключает» [4, XIV, с. 74], а Митя – что в каждом из Карамазовых живёт насекомое сладострастия, «и в тебе, ангеле» [4, XIV, с. 100]. Когда Алёша слушает раkitинские рассуждения о красоте, которая «есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей» [4, XIV, с. 100], он краснеет, у него сверкают глаза. Алёша объясняет, что покраснел «за то, что я то же самое, что и ты» [4, т. 14, с. 101]: «Всё одни и те же ступеньки. Я на самой низшей, а ты вверху, где-нибудь на тринадцатой. <...> Это всё одно и то же, совершенно однородное. Кто ступил на нижнюю ступеньку, тот всё равно непременно вступит и на верхнюю» [4, XIV, с. 101]. Не стать на путь сладострастия, по признанию самого Алёши, он не сможет. Когда «в горячей молитве» Алёша «жаждал радостного умиления, прежнего умиления, всегда посещавшего его душу после хвалы и славы богу» [4, XIV, с. 146], он нащупал в кармане розовый пакетик с письмом от Лизы и смутился, а прочитав его дважды – «подумал и вдруг тихо, сладко засмеялся» [4, XIV, с. 147].

Таким образом, гастрономические детали подкрепляют Алёшино признание в том, что и он – Карамазов. Мотивы тематической группы «Сладкое» иллюстрируют, каким искушениям Алёша поддается, а от каких воздерживается: варенье любит с детства, но сладострастные соблазны отвергает.

В другом примере, на первый взгляд, речь идёт уже о наслаждении духовном, то есть относящемся к третьему уровню значений. Вернувшись после «бунта» в монастырь, Алёша вошёл в келью старца, «стал на колени и начал молиться. <...> Сердцу было сладко» [4, XIV, с. 325]. Кажется, что после бунта и разговора с Грушенькой о луковке Алёша, как блудный сын, возвращается в монастырь и испытывает сладость от молитвы. Однако контекст не позволяет согласиться с такой трактовкой: «Душа его была переполнена, но как-то смутно, и ни одно ощущение не выделялось, слишком сказываясь, напротив, одно вытесняло другое в каком-то тихом, ровном коловращении» [4, XIV, с. 325]. Алёша «почувствовал, что молится почти машинально» [4, XIV, с. 325]. Ему сладко не от молитвы, а от обилия переполняющих его недавно испытанных земных чувств, от ощущения полноты жизни. «Обрывки мыслей мелькали в душе его, загорались, как звездочки, и тут же гасли, сменяясь другими, но зато царило в душе что-то целое, твердое, утешающее, и он сознавал это сам» [4, XIV, с. 325]. Хотя душа Алёши и стремится к Богу, уйти от мирского, от земных удовольствий он ещё не готов – очевидно, поэтому старец и благословляет его на жизнь в миру.

«Гастрономически» рассказчик определил и причину выбора Алёшей монастырского пути: эта дорога «одна поразила его и представила ему разом весь идеал исхода рвавшейся из мрака к свету души его» [4, XIV, с. 25], а руководствовался он «жаждой скорого подвига» [4, XIV, с. 25] (чувство также скорее земное, чем метафизическое). Бескомпромиссность

Алёши, по мнению рассказчика, столь сильна, что «точно так же если бы он порешил, что бессмертия и бога нет, то сейчас бы пошел в атеисты и в социалисты» [4, XIV, с. 25].

Снегирёв приписывает Алёше ещё одну жажду – жажду мщения (за укушенный Ильюшей палец). Сам Алёша о мести не думал. Тем не менее, включение в текст *мотива утоления жажды мщения*, субъектом которого является Алёша, подсказывает, что и он способен испытывать желание отомстить обидчику. Позже это подтверждается согласием Алёши расстрелять «для удовлетворения нравственного чувства» [4, XIV, с. 221] генерала, зверски замучившего ребёнка.

Алёша – один из самых «искушаемых» персонажей романа. Помимо сладостей запретной для постящихся едой и Грушенькой искушает его Ракитин, своими богоборческими идеями – Иван. Как показывает тематический анализ, искус, «страшную школу жизни» [4, XIV, с. 26], проходит Алёша, приняв решение о полном послушании старцу, отдавая ему свою душу и волю. Цель такого пути – «достичь, чрез послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя» [4, XIV, с. 26]. Это искушение Алёша не преодолел: он не выдержал послушания и не смог отказаться от себя земного (поэтому был послан старцем «в мир»). Кроме того, Алёша испытывает искушение отдать всю свободу старцу – тем самым снять её груз с себя и ощутить сладость «детского счастья».

От соблюдения поста Алёша сознательно отказывается лишь однажды – после смерти старца. Он не мог «без оскорбления, без озлобления даже сердечного» [4, XIV, с. 307] вынести несправедливости: «тот, который должен <...> быть вознесен превыше всех в целом мире, – <...> вдруг низвержен и опозорен! За что? Кто судил?» [4, XIV, с. 307]. Бунт Алёши против Бога выражается гастрономическими деталями разных семантических уровней. Алёша соглашается на предлагаемые Ракитиным колбасу и водку, а у Грушеньки пьёт глоток шампанского. Более того – он соглашается пойти к Грушеньке, то есть позволяет себе испытать сладострастие. Объясняется же такое неожиданное поведение сомнениями в правильности метафизического выбора: Алёше припомнился недавний разговор с Иваном. «Я против бога моего не бунтуюсь, я только “мира его не принимаю”, – криво усмехнулся вдруг Алёша» [4, XIV, с. 308].

Визит к Грушеньке – кульминационный эпизод в развитии образа. Решившись пойти к ней, Алёша был готов к нарушению запретов. В это время «великое горе души его поглощало все ощущения» [4, XIV, с. 315]. Однако случилось непредвиденное. Если рассуждать «гастрономически», Грушенька, которая до недавнего времени «хотела его проглотить» [4, XIV, с. 318], стала для него не запретной сладостью, а спасительной горечью – даже не пыталась соблазнить, а подала луковку. Возникает противочувствие. В тексте на вкусовом уровне дублируется душевное состояние Алёши. Это позволяет сделать значения третьего уровня доступными чувственному восприятию. «Я шёл сюда злую душу найти – так влекло меня

самого к тому, потому что я был подл и зол, а нашёл сестру искреннюю, нашел сокровище – душу любящую... <...> Аграфена Александровна, <...> Ты мою душу сейчас восстановила» [4, XIV, с. 318]. После этого потрясения, катарсиса, чувства Алёши пробудились, в душе произошёл переворот от греха к добродетели. От Грушеньки Алёша возвращается в монастырь переполненный ощущениями, с желанием «благодарить и любить» [4, XIV, с. 325]. Он видит сон о чуде, сотворенном Иисусом в Кане Галилейской, старца Зосиму на свадебном пире, целует землю и ощущает, как «что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его – и уже на всю жизнь и на веки веков» [4, XIV, с. 328].

Рассмотрим и имеющие отношение к Алёше мотивы второй группы, действия в которых направлены от себя на других. На первый взгляд, как правило, Алёша оказывается в подчинённом положении – выступает объектом мотива *съесть кого-то* и субъектом мотива *подавать еду*. После «неуместного собрания» [4, XIV, с. 32] в келье старца тот провожает Алёшу словами: «Ты там нужен, ступай к отцу игумену, за обедом и прислужи» [4, XIV, с. 71]. Однако этот мотив указывает не на подчинённость – старец добавляет: «Там миру нет. Прислужишь и пригодишься. Подымутся беси, молитву читай» [4, XIV, с. 71]. Тогда ещё беспрекословный послушник, Алёша, хотя предпочёл бы остаться, стремится «поспеть в монастырь к началу обеда у игумена (конечно, чтобы только прислужить за столом)» [4, XIV, с. 72]. В речи старца *мотив прислуживать за столом* имеет значение ‘быть нужным’, ‘молиться за мир’. Совсем иначе звучит он в речи встретившегося Алёше по дороге Ракитина: «ступай, соусы подавай» [4, XIV, с. 72]. Лексема *соусы* придаёт фразе оттенок презрения, к участникам трапезы и к подчинённому им Алёше, и, как мелкая бытовая подробность, снижает мотив служения с духовного уровня до физического. Ещё более явно презрение выражается позднейшим восклицанием Ракитина: «Ступай-ка на кухню лучше» [4, XIV, с. 78]. Кстати, реализация Алёшей этого мотива имеет уже не только буквальный смысл: он «при всём беспокойстве, успел тотчас же сходить на кухню игумена и разузнать, что наделал вверху его папаша» [4, XIV, с. 93]. Этот мотив указывает и на рассудительность Алёши, адекватное восприятие им происходящего, и на то, что цель его появления на кухне значительно более серьёзная, чем роль официанта, о которой говорит Ракитин.

В мотиве *хотеть съесть кого-то* Алёша выступает объектом: Ильюша укусил его за палец; Грушенька хотела съесть, «проглотить» (об этом слышали Митя и Ракитин); а когда Алёша согласился пойти к Грушеньке, Ракитин заранее упивался его «падением» «из святых во грешники» [4, XIV, с. 310]. Кроме того, Лиза, вспоминая, как они с Алёшей дружили несколько лет назад, жалуется старцу: «<...> говорил, что никогда не забудет, что мы вечные друзья, вечные, вечные! И вот он вдруг меня теперь боится, я его съем, что ли?» [4, XIV, с. 55].

Тем не менее однозначно отнести Алёшу к пассивным, зависимым, безвольным персонажам нельзя. Даже Фёдор Павлович считает, что ум у него «не чёрт съел» [4, XIV, с. 24], – да, по обыкновению, в этой фразе сам себе противоречит. Из контекста понятно, что она служит аргументом в пользу возвращения Алёши из монастыря в мир: «Погоришь и погаснешь, вылечишься и назад придёшь» [4, XIV, с. 24]. Чёрт в этом случае – любая крайность, будь то вера в Бога или вера в чёрта. Фёдор Павлович же подчёркивает, что Алёша хотя и верит – не лишён ума, то есть способности разумно оценивать жизнь и других людей. Рассказчик также полагает, что «этот мальчик был вовсе не столь простодушным, каким все считали его» [4, XIV, с. 31].

Роль Алёши в жизни других сопоставима с ролью Зосимы. К старцу приходили «исповедовать сердце свое и жаждали от него совета и врачевского слова» [4, XIV, с. 28], приходили с «жаждой разрешить какой-нибудь трудный вопрос души или трудный момент в жизни собственного сердца» [4, XIV, с. 39-40]. Похожим образом относятся и к Алёше – на это указывает *мотив жажды*, объектом которого выступает Алёша. Перед «исповедью горячего сердца» [4, XIV, с. 93] Митя признаётся, что желал, «алкал и жаждал» Алёшу «всеми изгибами души и даже ребрами» [4, XIV, с. 97], чтобы послать его, как ангела, к отцу и к Катерине Ивановне. Перед судом он также жаждет Алёшу, чтобы «душу вылить» [4, XV, с. 30]. Хохлакова жаждала встречи с Алёшей, чтобы выяснить, «почему с Lise истерика» [4, XIV, с. 165]. Жаждет Алёшу и стоящая перед выбором пути Катерина Ивановна – чтобы услышать мнение человека, которому, по её признанию, доверяет всем своим существом: «Мне необходимо мнение его, мало того: мне надо решение его! Что он скажет, так и будет – до какой степени, напротив, я жажду ваших слов, Алексей Федорович...» [4, XIV, с. 174].

Для этих персонажей Алёша становится тем, что утоляет жажду, – иначе говоря, его роль сопоставляется с функцией воды. Вода в контексте романа воспринимается как лекарство: водой прыскал Фёдор Павлович на свою «кликушу» во время её припадков, в холодную воду опускает Лиза Алёшин прокушенный палец, после диалога Ивана с Чёртом Алёша повязывает ему голову мокрым полотенцем. Примечательно, что во всех этих случаях вода – не просто лекарство, а лекарство от беснования или бешенства. Как мы видим, многие персонажи искали в Алёше как в некоей доброй, противодействующей бесам силе утоления своей духовной жажды, помощи в разрешении мучивших их вопросов и соблазнов. Его выбирали себе в судьи, на него возлагали ответственность за принятие решений.

В эпилоге Алёша зовёт мальчиков на поминки по Ильюше. Когда один из них, Коля, удивляется: «<...> такое горе, и вдруг какие-то блины, как это всё неестественно по нашей религии» [4, XV, с. 194], – отвечает: «Не смущайтесь, что блины будем есть. Это ведь старинное, вечное, и тут есть хорошее» [4, XV, с. 197]. В его словах снимается противоречие между плотским и духовным. В обычае поминать близких угощениями Алёша

видит «хорошее» – как в «простодушном немудром веселии <...> тёмных и нехитрых существ» [4, XIV, с. 326] в Кане Галилейской Иисус.

Мы проанализировали роль мотивов тематической группы «Еда» в создании образа Алёши Карамазова. Как показывает исследование, частности в романах Достоевского обладают многоуровневой семантикой. В зависимости от содержания гастрономического понятия и степени абстрактности его значения можно выделить три смысловых уровня, на которых частности выступают в разных по своей природе значениях: 1) буквальный, реалистический (названия еды или действия, связанные с едой); 2) бытовой (ощущения, страсти, отношения, проявляющиеся в земной жизни человека); 3) бытийный (духовный, идейный).

Значения первого уровня конкретны и функционируют в языке как общеупотребительные. Значения второго уровня также встречаются в языке, но, в отличие от первых, являются переносными и в контексте романа приобретают дополнительную семантику, преимущественно ассоциативную. Значения частных третьего уровня созданы автором, функционируют в конкретном тексте и могут быть установлены только путём контекстуального анализа, то есть по степени обобщения сопоставимы с символами. Гастрономические подробности первого и второго уровней помогают автору сделать абстрактные значения третьего уровня доступными чувственному восприятию. В целом изучение многоуровневой семантики частных позволяет углубить понимание образов персонажей, понять мотивацию их поступков, установить неочевидные внутритекстовые и межтекстовые связи.

Список литературы

1. Бэлнеп Р.Л. Структура «Братьев Карамазовых». – СПб., 1997. – 144 с.
2. Веселовский А.Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А.Н. Историческая поэтика / вступ. ст. И.К. Горского; сост., коммент. В.В. Мочаловой. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 300–306 (Классика литературной науки).
3. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л., 1974. – Т. 10–11.
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л., 1976. – Т. 14–15.
5. Иванов В.И. Достоевский и роман-трагедия // Иванов В.И. Собр. соч.: в 4 т. – Брюссель, 1979–1987. – Т. 4. – С. 399–436. – [Электронный ресурс]: http://www.rvb.ru/ivanov/1_critical/1_brussels/vol4/01text/02papers/4_172.htm (дата обращения: 15.05.2014).
6. Иванов В.И. Экскурс: основной миф в романе «Бесы» // Иванов В.И. Собр. соч.: в 4 т. – Брюссель, 1987. – Т. 4. – С. 437–443.
7. Касаткина Т.А. Элемент художественного текста как ключ к анализу произведения // Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов / под ред. Каталин Кроо, Тюнде Сабо и Гезы Ш. Хорвата. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2011. – Вып. 2. – С. 196–213.
8. Пузырёва Л.В. Мотив чаепития в романах Ф.М. Достоевского «Бесы» и «Братья Карамазовы» // Материалы Междунар. молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. – М.: МАКС Пресс, 2013. – [Электронный ресурс]: <http://lomonosov-msu.ru/>